

Когда я был совсем маленьким, наша семья жила ужасно бедно. Отец работал на заработках в другом месте, а мама дома заботилась обо мне и младшей сестре. Но здоровьем она не отличалась, и уже лет с шести-семи мне приходилось помогать ей по хозяйству.

И Цянь с удивлением посмотрел на него:

— В шесть-семи? Разве ты не должен был в школу идти?

Лу Фэн кивнул:

— Ну да.

И Цянь поглядел на него и умолк. Внезапно он подумал, что его собственные неприятности — ну, подумаешь, бывшая жена бывшего парня устроила скандал дома, и ему грозило семейное наказание — по сравнению с тем, через что прошёл Лу Фэн, были просто сущим пустяком.

Заметив, что И Цянь молчит и смотрит в землю, погружившись в какие-то мысли, Лу Фэн снова заговорил:

— У меня дома правда очень бедно, там и с удобствами всё плохо. Ты действительно хочешь туда поехать? Если хочешь спрятаться от семьи, можно снять жилье где-нибудь поблизости, я могу составить тебе компанию.

И Цянь поднял голову и посмотрел на него:

— Я хочу съездить к тебе домой, посмотреть, в каких местах ты рос. К тому же, неужели я и вправду такой капризный и избалованный? Думаешь, я не выдержу трудностей?

Лу Фэн, разумеется, вовсе не это имел в виду:

— Я просто боюсь, что приму тебя недостаточно хорошо.

И Цянь улыбнулся:

— Разве это можно назвать плохим приемом?

Лу Фэн отправился в душ. Специальной пижамы у него не было, поэтому на ночь он надел лишь белую майку и широкие шорты. Сев на свою кровать, он принялся вытирать волосы, а И Цянь, подложив голову под высокую подушку, разглядывал его.

Хотя за последние полгода Лу Фэн уже не занимался тяжелым физическим трудом, дел у него по-прежнему хватало с избытком. Кожа на солнце приобрела красивый медовый оттенок, а тело украшали крепкие, рельефные мышцы. И Цянь вообще-то повидал немало мужчин с прекрасно натренированными телами, но все они казались ему либо слишком показушными, либо какими-то слащавыми. Ни у кого не было такой естественной и привлекательной мужественности, как у Лу Фэна.

Его глаза сияли, когда он в упор уставился на Лу Фэна:

— У тебя сейчас остались кубики на прессе? Сколько их?

Лу Фэн тут же залился краской, совершенно не соображая, что ответить.

Чтобы за волосами было проще ухаживать, он всегда стригся очень коротко. Под ёлочку стрижка не подходила, но и длиннее была едва ли. Впрочем, форма черепа у него была правильной, поэтому даже с такой короткой стрижкой он не выглядел нелепо или грубо — скорее, в его суровой внешности проступало что-то интеллигентное.

Раньше, когда он работал с Чэнь Маном, окружающие далеко не сразу догадались, кто он такой, и поначалу принимали его за личного дизайнера Чэнь Мана.

Из-за коротких волос голова сохла моментально, но, пытаясь скрыть нахлынувшее смущение, Лу Фэн продолжал ерошить полотенцем уже сухие волосы.

Словно обуреваемый детским любопытством, И Цянь, не дождавшись ответа, перевернулся на кровати и подполз ближе к Лу Фэну, собираясь задрать его белую майку:

— Дай взглянуть! Я ведь и сам собирался заняться собой, но силы воли не хватило, меня хватило всего на пару дней, и я бросил.

У Лу Фэна покраснели даже уши. Ему не оставалось ничего другого, как отбросить полотенце в сторону и с крайним смущением приподнять белую майку. И Цянь, упершись локтями в матрас и свесившись вперед, принялся рассматривать его в упор, восхищенно произнеся:

— Можно потрогать?

Лу Фэн: «.....»

Ещё минуту назад тот выглядел таким подавленным и несчастным, с чего вдруг он так заинтересовался чужими мышцами? Чувствуя себя неловко, Лу Фэн пересел на кровать И Цяня. Тот со смехом протянул руку и пару раз провел ладонью по животу, отчего и без того твердые кубики пресса Лу Фэна напряглись еще сильнее.

Затем И Цянь слегка задрал майку повыше, чтобы оценить грудные мышцы Лу Фэна, и лишь после этого с видом полной удовлетворенности рухнул обратно на подушку:

— Сколько ты вешишь?

— В последнее время не взвешивался, а до этого было около ста тридцати, — ответил Лу Фэн. Убедившись, что тот больше не глазеет, он торопливо опустил майку, подобрал полотенце и скрылся в ванной, чтобы почистить зубы.

Наконец они улеглись спать. Выключив свет в комнате, Лу Фэн произнес:

— Спим. Завтра выезд в семь утра, подняться придется часа в шесть.

И Цянь, закутавшись в одеяло, привыкший ложиться за полночь, никак не мог уснуть. Внезапно он спросил:

— Сяо Лу, а когда ты понял, что тебе нравятся мужчины?

Раньше И Цянь совершенно не воспринимал Лу Фэна как гея. Как бы сказать... Лу Фэн был до того правильным, казалось, будто в нем напрочь отсутствуют какие-либо плотские желания. Разве может такой человек оказаться геем?

И Цянь не так уж много знал представителей своего круга, но как-то раз, когда Фу Фэй затащил его в бар, один знакомый там заявил ему, что способен с первого взгляда безошибочно определить ориентацию любого человека. И Цянь тогда подумал, что тот просто хвастается, и спросил:

— И как же ты определяешь?

На что тот ответил:

— Да потому что геи, стоит им хоть на секунду отвлечься, тут же начинают думать о постельных утехах. Они куда более охотно предаются плотским радостям, чем натуралы, оттого от них так и веет эротизмом.

— Ох, правда что ли? — И Цянь тогда отнесся к этому скептически. Ведь до встречи с Фу Фэй его собственный интерес к сексу был не так уж велик, вернее сказать, его не особо привлекали телесные желания других людей. Куда больше его манила дикая природа. Отправляясь в поездки ради фотографии, он снимал исключительно пейзажи и почти никогда — людей. Люди казались ему довольно безобразными созданиями, к тому же совершенно безынтересными. Но после того, как он познакомился с большим количеством подобных людей, он понял, что сказанное тем человеком было сугубо правдой. Даже такой человек, как Фу Фэй, который внешне казался невероятно строгим и умел пускать пыль в глаза, втайне был полон эротизма, и при общении с ним возникало лишь одно желание — затащить его в постель.

Однако Лу Фэн был совсем не таким, из-за чего И Цянь поначалу даже думал, что Лу Фэн, пожалуй, натурал, просто по воле обстоятельств вынужденный заниматься мужским бизнесом.

Но чем больше И Цянь общался с Лу Фэном, тем сильнее убеждался, что тот всё-таки любит мужчин. Когда они находились вместе и им встречались симпатичные официантки, взгляд Лу Фэна оставался чересчур правильным. К тому же он ничуть не выказывал раздражения по поводу того бардака, что творился между И Цянем и Фу Фэем, а общаясь с ним самим, открытым геем, не проявлял ни нетерпения, ни неловкости.

Выходит, он действительно предпочитает мужчин.

Слова И Цяня, прозвучавшие так, будто он просто спрашивал о времени, на самом деле были попыткой выяснить ориентацию Лу Фэна.

Но Лу Фэн не догадывался о тайных мыслях И Цяня. В темноте любые звуки в комнате казались громче: он услышал, как И Цянь ворочается на постели, понял, что тот смотрит в его сторону, а также различил его дыхание, показавшееся слегка взволнованным.

Лу Фэн на мгновение засомневался, а затем ответил:

— Наверное, лет в восемнадцать-девятнадцать.

Значит, он и впрямь такой! И Цянь оживился:

— И как ты это осознал? Лу Фэн замер на мгновение и лишь спустя какое-то время ответил:

— Я сидел в тюрьме. Когда я только туда попал, один мужчина средних лет заманил меня в библиотеку и попытался... м-м... в общем, попытался сделать это... Осознав, что он задумал, я понял, какими бывают отношения между мужчинами. Я избил его, стеллаж с книгами рухнул и придавил его...

Слова Лу Фэна несли в себе столько информации, что И Цянь остолбенел на месте. От потрясения он какое-то время просто не знал, что сказать.

Взволнованный голос Лу Фэна прозвучал снова:

— И Цянь, я не хочу тебя обманывать, я отсидел три года. Если ты собираешься ко мне домой, неужели тебе не страшно? Если ты действительно хочешь пойти, можешь сначала сказать кому-нибудь из друзей, так тебе будет спокойнее.

И Цянь пропустил его слова мимо ушей. Он встал с постели и тут же забрался на кровать Лу Фэна, отчего тот оцепенел от неожиданности.

На И Цяне были только трусы, его тело оставалось совершенно голым. Он лег рядом с Лу Фэном, а тот, боясь пошевелиться, торопливо отпрянул назад. Рука И Цяня в тот же миг коснулась головы Лу Фэна и пару раз провела по волосам спереди назад:

— Тебя там обижали? Кто это был? Наверное, я смогу кое с кем договориться, чтобы их проучили! Голос И Цяня, помимо гнева, таил в себе властность, которую Лу Фэн ощутил впервые. Пожалуй, такой уверенностью в себе мог обладать лишь тот, за чьей спиной стояла по-настоящему влиятельная семья.

Лу Фэн был искренне растроган. Первой реакцией И Цяня стало вовсе не презрение к его тюремному прошлому, а желание заступиться за него.

Ощущая тепло и уверенную силу его ладони, Лу Фэн почувствовал странный порыв — превратиться в огонь, способный вечно согреть И Цяня.

— Никто меня не бил, — ответил он. — Они моложе меня, силы в них меньше, так что одолеть меня не могли. К тому же отец передал денег людям внутри, так что сидеть мне было не слишком тяжело.

И Цянь с облегчением выдохнул:

— А... а тот старик из библиотеки? Его ведь не придавило насмерть?

И Цянь сердился, а Лу Фэн, чувствуя одновременно умиление и трогательность происходящего, пояснил:

— Нет, ему просто сломало ногу. Я сделал вид, будто убежал, но потом вернулся и позвал остальных, чтобы его вытащили. Он не смел заикнуться, что это я его избил — говорил лишь, будто наводил порядок на стеллажах, и они на него рухнули.

— Слишком легко отделался, — холодно бросил И Цянь. В его голосе Лу Фэн впервые расслышал безжалостность.

Лу Фэн понял, что И Цянь и впрямь желал тому человеку смерти, и на душе у него скребли кошки. Хотя сам Лу Фэн в прошлом и ранил человека, и отбыл срок, и повидал немало темной стороны как самого общества, так и человеческой природы, он всё же сохранял некое священное благоговение перед чужой жизнью. И Цянь же казался таким чистым, утонченным и хрупким, но подобного трепета в нем не наблюдалось.

— Он вышел на свободу раньше меня, и сейчас я понятия не имею, где он, — сказал Лу Фэн. — Давай больше не будем общаться на эту тему, не стоит оно того.

— А почему ты вообще угодил за решетку? — поинтересовался И Цянь. — Причем в таком юном возрасте.

В его словах не было ни капли презрения — лишь чистое любопытство.

— Тогда я учился в старшей школе, — начал рассказ Лу Фэн. — У нас в комнате жил парень. У него была сестра-близняшка из другого класса — очень симпатичная. Она встречалась с парнем из влиятельной и богатой семьи и забеременела. Когда она пошла на аборт, чуть не умерла. Школа об этом узнала и решила исключить ее. Ее брату очень разозлился и пошел требовать от того мажора ответственности, но в итоге его самого избили. Он вернулся к нам, и мы все вместе пошли разбираться. Завязалась драка, в ходе которой я сгоряча тяжело ранил человека. Семья того парня имела связи, так что меня засудили и отправили в тюрьму. Хотя это звучало банально, как в каком-нибудь романе, происходило всё с Лу Фэном, поэтому И Цянь не стал размышлять о банальности происходящего — ему просто стало безумно жалко Лу Фэна. Он вздохнул и произнёс:

— Дальше всё будет хорошо.

Лу Фэн ответил:

— Спасибо тебе. На самом деле всё не так уж плохо, я ведь не терял времени даром и смог успокоиться, чтобы кое-чему научиться.

— Чему же? — поинтересовался И Цянь.

— Наша тюрьма была образцовой, там была довольно большая библиотека, можно было изучать компьютеры и всё такое.

— Компьютеры? Программирование? — с любопытством спросил И Цянь.

— Нет, просто набор текста. Нам поручили проект: нужно было привести в порядок старинные уездные хроники нашей местности. Старинные книги отсканировали, а тех, кто умел печатать, попросили перенести содержимое в ворд, — с совершенно серьезным видом объяснил Лу Фэн.

И Цянь рассмеялся от его слов, провел рукой по его голове, коснулся угловатого лица Лу Фэна, а затем перебрался к его шее. Тут же всем телом прильнув к нему, он заключил его в объятия, а в его голосе зазвучали улыбка и горячее дыхание:

— Надо же, а с таким серьезным видом рассказывал, будто компьютерную грамоту осваивал.

Лу Фэн, парень, который отроду ни с кем не вступал в столь близкие отношения, внезапно столкнулся с тем, что человек, о котором он все мыслимые дни и ночи грезил, сам бросился ему в объятия. В ту же секунду его чуть ли не контузило от потрясения.

Он так и застыл столбом, совершенно не соображая, что делать, а в голове у него словно разлилась лава — всё кипело и плавилось от жары. Что именно говорил И Цянь, он не расслышал ни единого слова.

И Цянь заметил, что лицо Лу Фэна сильно покраснело, а сердце бьется с ненормальной частотой. Приблизившись губами к его губам, он позвал:

— Малыш Лу.

В его голосе уже не было прежней насмешки, зато проскользнули капризные нотки — тихие, хриплые, — которые тут же задели самые сокровенные струны в душе Лу Фэна.

Даже такой искушенный во всех делах и повидавший виды воротила, как Фу Фэй, умудрился пасть жертвой И Цяня. Что уж говорить о Лу Фэне — зеленом новичке, который терялся, краснел и замирал от одного взгляда любимого человека. Разве мог он тягаться с И Цянем?

Он боялся даже шелохнуться, совершенно не представляя, как поступить правильно. Обнять ли И Цяня в ответ? Но тот был без одежды, и любое движение привело бы к соприкосновению с его нежной кожей. Лу Фэн чувствовал, что его собственные руки такие грубые, и от этого И Цяню наверняка станет неприятно.

Поэтому он продолжал стоять не шевелясь — до такой степени зажато, что И Цянь даже занервничал и смутился. Неужели он снова выдает желаемое за действительное? — подумалось ему.

И Цянь с неловким движением отпрянул назад, убрав руки с плеч Лу Фэна. Односпальная кровать в стандартном номере была совсем маленькой; И Цянь отступил раз, отступил другой, скользнул назад — и едва не рухнул с кровати. В этот самый момент Лу Фэн протянул руку, крепко обхватил его за талию и притянул обратно.

И Цянь с облегчением выдохнул, уткнувшись лицом в плечо Лу Фэна, и почувствовал, как его тяжелое дыхание касается его лба, а сердце стучит так часто и громко, что был отчетливо слышен каждый удар.

Его ладонь легла на грудь Лу Фэна, и через плоть и кожу толчки сердца передавались прямо в его собственную грудь. Лицо И Цяня пылало алым румянцем, от него исходил жар.

Он думал, что Лу Фэн что-нибудь предпримет, но тот просто прижимал его к себе, а потом натянул одеяло, укрывая их с головой. И Цяню было одновременно радостно и досадно: даже сквозь слой майки он явственно ощущал упругость его мышц, исходящую от него силу и тепло.

От таких прикосновений тело Лу Фэна напряглось до предела, и когда он уже был готов потерять рассудок от переполнявших чувств...

От этого И Цянь даже слегка опешил.

Но Лу Фэн быстро взял себя в руки. Сообразив, в чем дело, он крепко прижал И Цяня к себе. Тому даже не требовалось делать ничего соблазнительного — достаточно было просто прижаться к нему, чтобы Лу Фэн пришел в полный восторг и стиснул его в объятиях еще сильнее.

И Цянь первым приподнялся и коснулся губ Лу Фэна своими. От его дыхания и мягких губ Лу Фэн мгновенно воспламенился страстью и принялся отвечать на поцелуй. Сперва его поцелуи были хаотичными, но стоило И Цяню чуть-чуть подсказать и направить его, как он тут же сообразил, что нужно делать.

Они слились в поцелуе, обмениваясь дыханием, и казалось, что от тепла их тел сейчас воспламенится весь окружающий мир.

Для И Цяня этот день выдался поистине изнурительным, он быстро почувствовал себя смертельно уставшим и, уткнувшись носом в Лу Фэна, замер неподвижно. Лу Фэн обнимал его и тоже не смел пошевелиться.

И Цянь был без одежды, и Лу Фэн, опасаясь, как бы тот не простудился, постарался поднять одеяло как можно выше, укрыв плечи, шею и даже уши, после чего замер, боясь пошевелить хоть пальцем.

Спустя довольно долгое время, когда И Цянь так и не подал признаков движения, он тихо позвал:

— И Цянь, ты спишь?

И Цянь тихонько промычал в ответ, засунул руку под подол майки Лу Фэна, нащупал его грудь, пару раз помял ее и, довольный, оставил руку в покое.

От этих прикосновений нервы по всему телу Лу Фэна натянулись до предела, но он не смел даже качнуться и лишь проговорил:

— Может, обтереться?

На них обоих остались следы недавней близости, и Лу Фэн считал, что будет лучше привести

себя в порядок.

И Цянь заворочался на нем и пробормотал:

— Я так хочу спать.

Лу Фэн тут же откликнулся:

— Спи, я сам тебя оботру.

И Цянь приоткрыл глаза, взгляделся в темноту и едва заметно кивнул.

Тогда Лу Фэн протянул руку, включил прикроватную лампу, аккуратно устроив лежавшего на нем И Цяня, и лишь после этого выбрался из-под одеяла и встал с кровати.

Без Лу Фэна под одеялом сразу стало не хватать мощного источника тепла, так что И Цяню пришлось посильнее закутаться и проворчать:

— Давай быстрее.

Лу Фэн поспешно направился в ванную. Заглянув в зеркало, он увидел собственное лицо, донельзя покрасневшее, и почувствовал легкий стыд — то ли за то, что воспользовался моментом с И Цянем, то ли от неуверенности в собственных силах. Вдруг И Цянь сравнит его с Фу Фэем и решит, что он совершенно никуда не годится?

Быстро обтеревшись, он смочил и отжал полотенце, а затем вернулся к постели. Когда он отодвинул одеяло, И Цянь от неожиданности зябко съежился, но усталость была сильнее, и совершать лишние движения ему не хотелось.

В тусклом свете прикроватной лампы Лу Фэн разглядывал тело И Цяня. Стройное, слегка худоватое, но невероятно пропорциональное — короче говоря, до неприличия красивое. Впрочем, слово «красивое» тут подходило едва ли, скорее — завораживающее.

Потому что он сам был полностью очарован им.

Поспешно и предельно аккуратно он обтер тело И Цяня, стараясь касаться пальцами как можно реже.

И Цянь приоткрыл глаза, бросил на него взгляд и невнятно произнес:

— Всё, ложись спать.

— Ага, — Лу Фэн поспешно натянул одеяло, укутывая его, снова сбежал в ванную сполоснуть полотенце и наконец вернулся в постель.

Он нервно лег рядом с И Цянем, и стоило тому с ворчанием придвинуться ближе, как Лу Фэн, словно получив высочайшее повеление, заключил его в объятия. Рука И Цяня тут же шальнула к нему...

От этого Лу Фэн едва не лишился рассудка, но пошевелиться не смел, позволяя И Цяню продолжать в том же духе.

И Цянь быстро погрузился в глубокий сон, а вот Лу Фэн уснуть никак не мог да и не хотел. В комнате, где погасли все лампы, царила непроглядная тьма, но он чувствовал каждый сантиметр тела И Цяня — его кожа словно покрывалась тысячами невидимых рецепторов, способных ощутить каждый изгиб чужого тела.

Он так и держал И Цяня в объятиях. Когда глаза привыкли к темноте, кое-что стало различимо: он неотрывно, с неиссякаемым трепетом вглядывался то в растрепанные волосы И Цяня, то в его уши, то в лоб. Стоило какому-то положению тела затечь, как он едва заметно менял позу. И Цянь же, казалось, от природы обожал кого-нибудь щупать во сне: его рука, соскользнув с ягодиц Лу Фэна, прошлась по бедру, потом легла на поясницу, добралась до живота, перекинулась на руку, на плечо...

Спал он мертвецким сном, совершенно ничего не соображая, но при этом непременно желая надежно удерживать Лу Фэна в своих руках.

Лу Фэн так и не сомкнул глаз за всю ночь, но не чувствовал ни малейшей усталости — напротив, его переполняли возбуждение и безграничное счастье.

В шесть утра он поднялся первым. Опасаясь, что И Цянь замерзнет под одним одеялом, он бережно притащил второе одеяло с другой кровати и укрыл его потеплее.

Стараясь не шуметь и не включать свет, чтобы не потревожить сон И Цяня, он на цыпочках собрался, захватил одежду и оделся прямо в ванной. Выйдя в коридор с карточкой-ключом, он спустился в круглосуточный мини-маркет неподалеку от отеля и купил сэндвичи с молоком. Вернувшись в номер, он обнаружил, что на часах всего половина седьмого.

И Цянь все еще спал, повернувшись набок. Его дыхание было легким, на щеках играл нежный румянец. Выросший в изнеженности, он обладал кожей столь безупречной, гладкой и белой, что на ней не было заметно ни единого изъяна.

Лу Фэн стоял рядом, собираясь разбудить его, но сердце не выдерживало рушить этот покой.

Понимая, что времени до выхода остается в обрез, он тихонько позвал пару раз:

— И Цянь, пора вставать.

И Цянь издал недовольное мычание и спросил:

— Который час?

— Без двадцати семь, — ответил Лу Фэн.

И Цянь нахмурился:

— Мы выходим в семь?

— Угу, — подтвердил Лу Фэн.